

Гастроли

Калининского

государственного

драматического театра

ПОЭЗИЯ БЫТА И БЫТИЯ

Калининский театр остался в памяти с прошлых гастролей спектаклем «Вишневый сад». Это был необычный «Вишневый сад», не затерявшийся в целом ряде интересных чеховских постановок 70-х годов. В нем жили герои высокого духовного строя, герои уходящие, на смену которым шло совсем другое поколение. Спектакль был пропитан тоской разрушаемой красоты. В нем жила особая нота, и я рада была прочесть потом в книге постановщика этого спектакля, режиссера Веры Ефремовой «Поиски сути» такие строки: «Калининский спектакль был черным. В первую очередь потому, что во главу угла в нем была заложена мысль о том, что исчезновение из жизни прекрасного обедняет существование человека. Мы подчас упрощаем ощущение жизни: нам кажется, что эстетика человеческого существования — дело второстепенное. «Вишневые сады» великой русской культуры, нашей национальной гордости, чувство прекрасного, чистота и целомудренность отношений, этика и такт — все это надо всячески оберегать».

Такое обостренное восприятие, так сказать, цвета и звука пьесы, интерес к тончайшим мотивировкам происходящего, проникновение в самую суть каждого персонажа, наверное, вообще характерны для творческого почерка народной артистки РСФСР, главного режиссера театра В. Ефремовой. Во всяком случае привезенный на гастроли в Таллин спектакль по пьесе А. Н. Островского «Светит, да не греет» вполне подтверждает такой вывод. Печеховским тонкое внимание к героям этой редко идущей пьесы классика русской драматургии открыло в ней чеховские же интонации предчувствия грядущих перемен жизни. И право же, есть переключки между этой пьесой позднего Островского и чеховским «Вишневый садом» и даже «Чайкой».

Можно было сказать, что сцена оформлена традиционно (художник А. Иванов), если бы эта традиция не исчезла бы давным давно. Так что подробное и поэтичное воспроизведение на сцене дивного уголка запущенного сада — с горбатым мостиком, перекинутым над журчащим ручьем,

со скамейкой в тени раскидистого дерева, сами деревья, заполнившие пространство сцены волшебной зеленью своих ветвей — ныне выглядит новацией. Русалочий мотив таинственной природы, столь родственной природе женщины, настраивает спектакль, как камертон.

Само название пьесы «Светит, да не греет» недвусмысленно противопоставляет любви мнимой подлинное глубокое чувство. Анна Владимировна Ренёва, из прихоти отбывшая у юной Оли жениха, наказывается самоубийством Оли, чья глубокая натура не в силах перенести измену любимого. Женский характер, женская суть исследуются в спектакле с самых разных сторон. Знаки «плюс» или «минус» могут оценивать поступки, характер же, проявляемый в них, — данность персонажа.

Ренева в исполнении заслуженной артистки РСФСР И. Андриановой в первую очередь гипертрофированно самолюбива. Она красива, умна, но невежуча, и невежество эта заставляет ее бездумно мстить миру. Вскружить голову интересному молодому человеку для нее вопрос престижа, и ни перед чем она здесь не останавливается. Впрочем, остановится, когда игра заведет ее совсем не туда, куда она рассчитывала, и вместо легкого флирта она столкнется со страстью, подлинным чувством.

Мужской характер так подробно в пьесе не исследуется, и избранный Реновой Борис Рабачев (заслуженный артист РСФСР К. Юенков), поддавшийся ее чарам, также возвращается на землю самоубийством Оли (эту трудную роль играет молодая обаятельная актриса О. Дубовицкая).

Спектакль калининцев организован вокруг драмы любви, но не замыкается на ней. Атмосфера его соткана из чудесных зарисовок нравов и характеров. Сильно и ровно играют и неглавные роли, и даже эпизоды — как чудесные пары старых слуг (А. Букшова и А. Пруссаков), горничная Даша (артистка С. Чернышова), виртуозно, на тонком шаржированном рисунке играет значительного чиновника в отставке Худобаева заслуженный артист РСФСР Н. Бутрехин. Очень хорош в роли Семёна Семеновича Залешина народный артист

РСФСР А. Чуйков. Этот честный, слабый и безвольный человек, сохранивший где-то в глубине души идеалы юности, способен нынче только на пассивный бунт, и артист очень точно рисует распространенный российский характер.

Островский, поставленный не для даты, не для фестиваля, а по духовной потребности русского театра работать над русской классикой, очень украшает афишу.

К сожалению, этого нельзя сказать о спектакле «Баня», чей замысел оказался богаче исполнения. Режиссер В. Персиков поставил перед собой задачу очень сложную: трагический Маяковский должен был стать героем спектакля. Должна была ощущаться трагедия художника, остро чувствующего разединенность эпохи, пытающегося приблизить берег слова к берегу дела. Его сарказм и ярость, направленные на уничтожение тормозов поступательного движения общества вперед, на тормоза не повлияли. И он постиг бессилие творца.

Стихи Маяковского театр включил в паритету спектакля. Но мне кажется, что в отсутствии ключевого для поэта четверостишия —

Я хочу быть понятой своей страной,
А не буду понятой — что ж,
Над родной страной
пройду стороной,
Как проходит косой дождь

— сказывается непродуманность, невыстроенность поэтического ряда спектакля, что не могло не оказать влияния на весь строй постановки. На чужой сцене недостатки спектакля усугубились, а достоинства, которые, несомненно, есть — уменьшились. Жаль. Гастроли калининцев открывались именно «Баней», а по первому спектаклю чаще всего составляется мнение о театре вообще.

У калининцев интересно работает и малая сцена, на которой подготовлен (причем подготовлен самостоятельно актерами) очень интересный, психологически глубокий спектакль по пьесе Т. Уильямса «Веселенькое воскресенье для пикника».

Э. КЕКЕЛИДЗЕ.

На снимке: сцена из спектакля «Светит, да не греет».